

НУЛЕВОЕ ЭХО

ЮЛИЯ КАРЕЛИНА

Юлия Карелина

Нулевое эхо

<https://litres.ru/74388734>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть работа, о которой не говорят вслух. Оперативники спускаются в заброшенные объекты, чтобы «зачистить» фантомов — петли памяти, застрявшие между жизнью и смертью. Их упаковывают в резервуары и отправляют в хранилище. Всё строго по протоколу.

Вера — лучшая в бригаде. Она знает правила: фантомы не видят живых, не реагируют на присутствие, не смотрят в ответ. Но однажды она встречает девочку, которая нарушает все законы. Которая смотрит на неё. Которая ждёт. Этот контакт ломает привычную реальность. Теперь Вере предстоит усомниться не только в протоколах, но и в себе. Кто эта девочка? Почему только она её видит? И что, если ответ изменит всё — включая саму суть того, кого мы называем живым?

«Нулевое эхо» — холодный, атмосферный триллер о границах реальности, профессиональной деформации и цене, которую платишь, когда перестаёшь верить очевидному. Для тех, кто любит мрачную прозу и истории, где грань между мирами стирается, стоит только приглядеться.

Содержание

Глава 1. Протокол зачистки	4
Глава 2. Отчёт без объяснений	30
Глава 3. Красная лента в вагоне	57
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Юлия Карелина

Нулевое эхо

Глава 1. Протокол зачистки

Спуск занял семь минут.

Я считала пролёты на автомате — старая привычка, ещё с первых заданий, когда лестничные марши казались важными. Теперь считаю просто потому, что привыкла считать, и цифры сами укладываются под шаги. Двадцать две ступени, поворот. Двадцать две, поворот. Где-то на четвёртом пролёте флуоресцентная лампа начала мигать с той ленивой неравномерностью, с которой мигают лампы везде, где люди давно перестали следить за электрикой. Свет падал рывками — жёлтый, темнота, жёлтый, темнота — и на облупленную стену ложилась моя тень, которая никак не могла решить, есть она или нет.

Внизу пахло пылью и металлом. Не ржавчиной — именно металлом, холодным и чуть влажным, таким, каким пахнут монеты, зажатые в кулаке до испарины. Ещё — чем-то кисловатым, отдалённым, что ни с чем конкретным не связывалось, но которое я знала. Я знала его с первого задания и так и не придумала ему названия. Просто запах закрытых

мест, где воздух давно потерял ориентиры и стоит неподвижно, как вода в непроточном водоёме.

Вентиляция гудела. Она гудела здесь всегда — это я вычитала из паспорта объекта, который просматривала в автобусе, положив планшет на колени. Станция была законсервирована в двенадцатом, технические системы отключены не полностью, шахты вентиляции так и остались живыми — то ли по забывчивости, то ли по какой-то логике городских коммуникаций, которую я никогда не понимала и не стремилась понять. Гул был ровным, низким, почти приятным. Фоновым. Таким, на который мозг перестаёт обращать внимание через несколько минут и потом замечает только его отсутствие, как замечают вдруг остановившиеся часы.

Я поставила кейс на бетонный пол и раскрыла.

Костюм лежал аккуратно, как всегда. Я сама укладывала его вчера вечером — ритуал такой же старый, как счёт ступеней. Проверка перед укладкой, укладка, проверка после. Если в промежутке что-то менялось, значит, менялось не в костюме, а в голове, и это уже совсем другая проблема.

Надевать его я научилась быстро. Восемь минут в самом начале, сейчас — меньше трёх, если не спешить. Перчатки сначала — левая, потом правая, потом зафиксировать манжеты до тихого щелчка. Поверх перчаток — наручники-соединители, без которых визор не активируется: защита от случайного включения вне объекта. Куртка. Шлем. Защёлкнуть забрало.

Мир сразу стал тише.

Это всегда так — первые секунды в костюме дают странное ощущение ваты в ушах, хотя акустика не меняется, микрофоны в шлеме работают честно и передают каждый шорох. Дело в другом. Психологическое, наверное. Граница закрылась.

Я потянулась к аппарату.

Он был старше меня в профессии — эта модель выпускалась ещё до стандартизации, с угловатым корпусом из серого пластика и рукояткой, которую кто-то в своё время обмотал изолентой. Изолента давно задубела и местами отслоилась хрупкими краями, но я не меняла её: менять изоленту на рабочем аппарате казалось бессмысленным, как красить стену в доме, который собираешься сносить. Аппарат работал. Этого было достаточно.

Резервуар — прозрачный цилиндр размером с термос, только чуть шире — я вставила и провернула до щелчка. Проверила уплотнитель подушечкой большого пальца. Щёлкнула кнопкой питания и подождала, пока дисплей на рукоятке не показал зелёный. Давление в норме. Всасывающий канал чистый. Ёмкость резервуара — стандартная.

Мне вдруг подумалось — без особой причины, просто подумалось, — сколько таких резервуаров сейчас в хранилище. Я не знала точной цифры и никогда не пыталась узнать. Тысячи, наверное. Может, больше. Стеллажи в несколько рядов, климат-контроль, опечатанные двери с пломбами. Каж-

дый резервуар — прозрачный, как этот, и внутри каждого что-то есть, хотя снаружи это что-то не видно невооружённым глазом. Мне объясняли в начале, что хранилище — это правильно. Что там им ничего не грозит. Я тогда не уточняла, что именно может им грозить и в сравнении с чем хранилище лучше.

Теперь тоже не уточняла. Некому было.

Я подняла взгляд и включила визор.

Перрон развернулся передо мной в два слоя.

Первый слой — то, что есть на самом деле. Бетонный пол в трещинах, по которым кто-то когда-то прошёлся монтажной пеной — давно, судя по тому, что пена уже сама начала крошиться жёлтыми хлопьями. Несколько скамеек с облупленной краской. Старые плакаты на стенах, выцветшие до нечитаемости, с полосами разводов от старой сырости. Рельсы в пыли.

Второй слой — то, что здесь осталось.

Их было пятеро. Трое на перроне, двое у дальнего выхода — там, где лестница уходила в ещё одну трубу, теперь забитую. Все пятеро двигались.

Мужчина у ближней скамейки наклонялся, подбирал что-то с пола, выпрямлялся, смотрел на ладонь. Потом опускал руку — медленно, как человек, которому некуда торопиться. И снова наклонялся. Я не различала, что он подбирал: слишком далеко, да и не важно. Важно было то, что он делал это снова и снова, с одинаковой скоростью, с одинаковым углом

наклона, с одинаковым взглядом на ладонь. Петля была чистой — без сбоев, без заиканий. Длинная, спокойная.

Женщина у стены смотрела в одну точку — куда-то вправо от меня, чуть выше горизонта. Руки сложены перед собой. Она не двигалась секунд тридцать, потом медленно поворачивала голову налево, потом — обратно. И снова стояла, стояла...

Двое у лестницы разговаривали. Точнее — один говорил, другой слушал, кивал, отвечал что-то. Без звука — визор не передавал звук от фантомов, и я никогда не знала, что именно они говорят. Иногда мне казалось, что это и хорошо.

Пятый — подросток в куртке с капюшоном — шёл вдоль края платформы. Медленно, не глядя вниз. Дошёл до конца, остановился. Повернулся. Пошёл обратно.

Никто из них не смотрел на меня.

Это нормально. Они, как правило, не смотрят. Видят — это другой вопрос, по этому поводу до сих пор спорят люди умнее меня. Но не смотрят. Они смотрят туда, куда смотрели тогда. Видят то, что видели тогда. Это не метафора и не предположение — это просто то, как оно работает.

Я сняла аппарат с плеча и проверила хват.

Пятеро. Один резервуар. Придётся переставлять между упаковками, если не хочу потом тащить четыре отдельных кейса вверх по лестнице. Стандартная процедура разрешает до восьми фантомов на один резервуар при условии, что петли не конфликтующие. Я обвела взглядом перрон. Пет-

ли здесь были спокойными, длинными, без пересечений. Не конфликтующие.

Начну с того, который ходит вдоль края.

Я поправила шлем и сделала первый шаг на перрон.

Подошвы костюма давили тихо — специальная подошва, гасит звук. Не потому, что это важно для работы: фантомы не реагируют на шум. Просто так вышло с дизайном, и я привыкла двигаться почти бесшумно даже там, где это было ни к чему. Гул вентиляции остался сзади. Мигающая лампа — тоже.

Перрон был очень тихим.

Я шла к подростку и думала — ни о чём конкретном, фоном, как всегда во время работы, — что надо будет заехать за продуктами. Что отчёт нужно сдать до пятницы. Что левая подошва снова начинает скрипеть на сгибе.

Обычная работа.

Подросток дошёл до конца платформы и остановился.

Я уже знала этот ритм — четырнадцать шагов, пауза, разворот — знала по первым двум минутам наблюдения, ещё до того, как ступила на перрон. Петля была короткой и чёткой, как тиканье часов. Я встала чуть левее от траектории и подождала, пока он пройдёт мимо меня в третий раз.

Аппарат лёг в руках привычно — не тяжело, просто ощущимо, как знакомая тяжесть, к которой тело перестаёт приглядываться. Трубка вытянулась на нужную длину с тихим

механическим щелчком.

Подросток развернулся.

Пошёл обратно.

Я не двигалась. Он прошёл в полуметре — в капюшоне, руки в карманах, голова чуть опущена, — и я заметила, что подошвы его кед не касаются пола. Не плывут, не висают заметно — просто чуть-чуть, на ширину пальца. Этого почти не видно, если не знать, куда смотреть.

Я знала.

Нажала.

Гул аппарата был негромким — тише вентиляции, тише собственного дыхания через фильтр маски. Резервуар принял фантома ровно так, как должен был: без рывка, без сопротивления. Один чистый щелчок замка.

Подростка не стало.

Там, где он только что шёл, пол был просто полом — пыльным, с трещиной у левого стыка плит, с тёмным пятном от старого потёка воды. Я смотрела секунду, не больше. Не из сентиментальности — просто профессиональная привычка убедиться, что упаковка полная, что на перроне не осталось следа незавершённой петли.

Следа не было.

Я перешла к двоим у лестницы.

Они всё ещё разговаривали — тот же беззвучный диалог, та же кивающая голова, та же жестикуляция: левой рукой, коротко, будто отмеряя что-то небольшое в воздухе. Один из

них — пожилой мужчина в форме дежурного — держал флажок опущенным. Каждые несколько секунд поднимал его, замирал, смотрел на ладонь. Потом опускал.

Я встала в стороне и наблюдала, пока не поняла, какая из двух петель короче. Женщина с тяжёлой сумкой — она тоже была здесь, чуть правее лестницы — поворачивала голову медленнее, её цикл занимал почти сорок секунд. Дежурный с флажком укладывался в двадцать.

Начала с него.

Флажок пошёл вверх — рука замерла — я нажала.

Щелчок.

Тишина у лестницы стала немного тише.

Женщина с сумкой не заметила. Конечно, не заметила. Они никогда не замечают. Это один из тех вопросов, которые новички задают на первом году: а они вообще воспринимают друг друга? Вопрос правильный, ответ скучный — нет. Они видят то, что видели в момент смерти. Всё остальное — декорация.

Я дождалась её цикла. Поворот головы направо. Поворот обратно. Сумка — тяжёлая, кожаная, с металлическими застёжками — чуть оттягивала плечо вниз. Интересно, что там было. Я никогда не задумывалась об этом раньше, а тут задумалась — просто так, фоном. Продукты? Документы? Что-то, что казалось важным утром, в день, когда она последний раз шла этим маршрутом?

Нажала.

Щелчок.

Два из пяти.

Пожилой мужчина с флажком.

Женщина с сумкой.

Я шла к женщине у стены. Та, что смотрела вправо и чуть выше горизонта — в стену, в кафель, в ничто. Руки сложенные. Голова поворачивается медленно: налево, пауза, обратно. Петля была длинной и неспешной, как дыхание спящего человека.

Они не знают, думала я, пока шла.

Это всегда было первым, что я говорила себе на зачистке, — не потому что помогало, а потому что это правда, и лучше держать правду перед глазами, чем позволять ей лежать где-то сзади и давить на затылок. Они не знают, что умерли. Не знают, что сейчас — не тогда. Не знают, что я здесь. Женщина у стены ждёт, может быть, автобуса. Может быть, кого-то. Может быть, просто привыкла ждать — и это движение головы, этот медленный поворот, было привычкой ещё при жизни: проверить, не идёт ли, посмотреть на часы, снова вперёд.

В этом, наверное, есть что-то от милосердия.

Я нажала.

И тут ничего не произошло.

Аппарат гуднул — короче, чем обычно, с лёгкой хрипотцой — и замолчал. Индикатор на рукояти мигнул оранжевым. Я отпустила кнопку, подождала секунду, нажала снова.

Тот же хрип. Тот же оранжевый.

— Ну, — сказала я себе под нос.

Женщина у стены продолжала поворачивать голову: налево, пауза, обратно. Ей не было до меня никакого дела.

Я опустила аппарат, нашла на рукояти маленькую крышку, откинула её большим пальцем. Внутри — кнопка перезапуска: красная, такая маленькая, что нажимать приходится ногтем сквозь перчатку. Нажала. Подождала три секунды, пока система инициализируется. Индикатор моргнул дважды — оранжевым, потом зелёным.

Я снова подняла аппарат.

Женщина поворачивала голову.

Нажала.

На этот раз аппарат взял чисто — гул ровный, без хрипотцы, щелчок замка точный. Третья упаковка.

Досада от заминки уже прошла — она никогда не задерживалась надолго. Оборудование иногда дурит. Это не катастрофа, просто техника. Я сделала заметку в уме: написать в отчёте, попросить проверить уплотнитель всасывающего клапана, потому что хрипотца была похожа именно на клапан, а не на батарею.

Перрон стал заметно тише.

Три упаковки. Остался ещё один — тот, который подбирал что-то с пола. Я видела его у дальнего конца платформы: снова наклонялся, снова смотрел на ладонь.

Далековато. Я двинулась в его сторону, считая шаги — не специально, просто такая привычка, — и думала, что после него можно будет закрывать объект. Оформить бирку, поставить резервуар в кейс, выйти через технический коридор. Отчёт сдать до пятницы. Заехать за продуктами.

Четыре. Может, с учётом того, кого я пропустила в первом осмотре — пятый где-то за колонной — трое. Я обернулась, просматривая перрон через визор ещё раз, методично, слева направо.

Пусто. Пусто. Пусто.

Колонна. За ней — тоже пусто.

Значит, четыре из пяти. Один оставался.

Я шла к нему, и станция была почти тихой — только гул вентиляции, только мои шаги, только слабое мерцание дальней лампы. Место постепенно становилось просто местом: заброшенный перрон, пыль, старый кафель, трещины в плитке. Без петель оно теряло что-то — не жуть, нет, не жуть именно — а что-то вроде веса. Как комната, из которой вынесли мебель, и звук в ней сразу пошёл иначе.

Я поправила хват на аппарате и продолжала идти.

Последний фантом на дальнем конце платформы наклонился, посмотрел на ладонь, выпрямился. Я насчитала от него двадцать шагов по плитке — здесь было темнее, дальняя лампа мерцала в режиме, который я мысленно называла «умирающая», — но визор вытягивал достаточно контраста,

чтобы различать контуры чётко.

Я уже поднимала аппарат.

Краем зрения — девочка.

Не сразу понятно, почему глаз выхватил её первой: она стояла у торца платформы, где кафель переходил в серую бетонную стену с выгоревшей табличкой. Маленькая фигура, тёмные волосы, красная лента — завязана сзади, чуть набок, небрежно, как завязывают не сами, а когда кто-то другой то-ропится. Лет восемь, может, девять. Обычная детская куртка с кнопками, одна расстёгнута. Белые колготки с катышками на коленях.

Я опустила аппарат.

Шестой объект. Я пропустила её при первом обходе — она стояла у самого торца, почти вплотную к стене, и в темноте дальнего края без мерцания лампы просто слилась с фоном. Такое бывает. Я уже прокручивала в голове, как её упакую — быстро, без затруднений, потом вернусь к тому, что с ладонью. Завершить объект. Выйти через технический коридор.

Я двинулась в её сторону.

Десять шагов. Восемь.

Девочка не делала ничего.

Вот в чём было дело — я поняла это не сразу, а только когда подошла достаточно близко, чтобы наблюдать петлю целиком. Фантомы всегда что-то делают: поворачивают голову, идут, ищут что-то руками, открывают дверь, которой нет. Жест, пауза, повтор — как заевшая пластинка. Эта —

стояла. Просто стояла и держала руки по швам.

Пять шагов.

Я остановилась.

Через визор — зеленоватый контур девочки, чёткий, без размытия. Она была лицом ко мне. Прямо ко мне. Голова не повернута, не опущена — смотрела туда, где стояла я.

Первая мысль была совершенно разумная: я оказалась у неё на линии взгляда, совпадение. Фантомы смотрят в фиксированную точку — куда угодно, это ничего не значит, это просто остаточная поза. Я сделала шаг в сторону — не из осторожности, а чтобы зайти удобнее, под нужным углом для захвата.

Девочка повернула голову за мной.

Я замерла.

Тишина на платформе была теперь очень конкретная — не просто отсутствие звука, а что-то заполнившее пространство вместо него, плотное, как холодный воздух перед грозой. Гул вентиляции шёл откуда-то снизу, ровный, безразличный. Мерцала дальняя лампа. Мужчина у торца наклонился — посмотрел на ладонь — выпрямился.

Девочка смотрела на меня.

По протоколу — в разделе три, подраздел «поведение объектов» — чёрным по белому написано, что фантомы не реагируют на присутствие оперативника. Они в своей петле. Оперативник для них — воздух, тень, ничто. Я читала протокол столько раз, что могла бы воспроизвести абзацами на-

изусть. Я никогда не видела исключения.

Я стояла неподвижно и смотрела на неё через визор.

Потом девочка отвела взгляд.

Медленно — не резко, не испуганно — просто повернула голову чуть вправо. Туда, в сторону. Куда-то вдоль стены, к тёмной нише между двумя колоннами, которую я при обходе отметила как пустую.

Не петля. Это не было петлёй — в петле нет «туда». Есть только «снова».

Я не хотела смотреть туда, куда она показывала. Именно потому что не хотела, я заставила себя посмотреть.

В нише, в темноте между колоннами, стоял старик.

Я его не заметила при обходе. Нишу я проверяла фонариком — или мне казалось, что проверяла. Может, луч скользнул мимо, может, он стоял плотно к стене и тень накрыла его полностью. Он стоял там и качал головой — медленно, налево, направо, налево, — и это была петля, самая обычная петля, ничего кроме петли.

Я смотрела на него секунду.

Потом вернула взгляд к девочке.

Она снова смотрела на меня.

В голове поднялось что-то вроде шума — не звук, а скорее ощущение, как когда читаешь строчку дважды и не понимаешь, потому что слова знакомые, а смысл не складывается. Мозг перебирал объяснения по порядку: случайное совпадение позы. Галлюцинация усталости — я работала с вось-

ми утра, почти семь часов в костюме. Неисправность визора, которая иногда даёт артефакты движения. Особый тип петли, которого я раньше не встречала — бывают нетипичные, в базе есть несколько задокументированных случаев.

Но ни одно объяснение не объясняло старика в нише.

Если она стояла и смотрела в случайную точку — совпадение. Если она повернула голову за мной — уже нет. Если она потом повернула голову к нише, где действительно был пропущенный мной фантом, — это либо два совпадения подряд, либо не совпадение.

Я не двигалась.

Девочка — тоже.

Потом она снова что-то сделала. Подняла руку — медленно, как поднимают, когда хотят показать, а не ударить, — и направила её в мою сторону. Не в точку за мной. Не в сторону. На меня.

Палец — или что там было в этой нечёткой детской руке, визор не давал филигранной детализации — чуть согнут, будто в вопросе. Или в сомнении. Жест, который я не умела классифицировать ни под одну петлю из всех, что видела.

Гул вентиляции шёл снизу.

Мерцала дальняя лампа.

Мужчина у торца наклонился — посмотрел на ладонь — выпрямился.

Я поймала себя на том, что держу дыхание. Выдохнула через нос, беззвучно, не разжимая зубов. Рука на аппарате бы-

ла правильно расположена — хват рабочий, палец у кнопки. Я ничего не нажала.

Девочка опустила руку.

Продолжала смотреть.

Я не умела сказать, что именно стояло у торца платформы в красной ленте и колготках с катышками на коленях, и это было неприятное ощущение — как промахнуться ступенькой в темноте, когда тело уже знает, что дальше твёрдо, а под ногой — воздух.

Я подняла трубку.

Движение было отработанным — запястье развёрнуто, сопло направлено, большой палец на кнопке активации. Шаг вперёд, потом ещё один. Подошвы беззвучно шли по бетону платформы: я давно научилась двигаться ровно, без лишних звуков, хотя фантомы всё равно не слышат шагов — или слышат что-то своё, из той жизни, которая в них осталась.

Девочка не двинулась.

Это нормально. Они никогда не двигаются навстречу, никогда не убегают — они внутри петли, как заигранная пластинка, которой нет дела до иглы. Я знала это. Рука держала трубку правильно. Ещё шаг.

Она смотрела на меня.

Не мимо. Не сквозь. На меня — так, как смотрят, когда интересно, а не страшно. Голова чуть склонилась набок — совсем немного, на несколько градусов, как у ребёнка, кото-

рый разглядывает что-то непонятное и пока не решил, нравится ему это или нет. Красная лента в волосах была неподвижна. Колготки с катышками на коленях — неподвижны. Только этот наклон головы.

Я остановилась.

В норме к этому моменту я уже нажала бы кнопку. Пять шагов — рабочая дистанция. Я была в четырёх.

Рука не двигалась.

Я попробовала понять, что происходит, и не смогла. Это не было страхом — страх я знаю, он идёт из живота вверх, быстро, и тело само перестраивается. Это не была жалость — я давно перестала путать сочувствие к мёртвым с препятствием к работе. Что-то другое сидело в плече, в запястье, в большом пальце у кнопки — что-то похожее на ощущение, когда делаешь привычное движение и в середине понимаешь, что оно неправильное. Не запрещённое. Не опасное. Просто — не то.

Как написать не ту букву. Как повернуть не в ту сторону.

Гул вентиляции шёл снизу, равномерный, как дыхание. Дальняя лампа мигнула — один раз, потом успокоилась. Мужчина у торца платформы наклонился, посмотрел на ладонь, выпрямился. Я слышала его движение краем внимания, не теряя девочку из вида.

Она продолжала смотреть.

Я держала трубку.

Потом она качнула головой.

Медленно — так медленно, что я не была уверена сразу: движение или просто смещение тени от мигнувшей лампы. Один раз. Не нет — не отрицание, не протест, не просьба. Что-то тише и спокойнее, чем все эти слова. Как будто она просто констатировала факт, который знала раньше меня.

Я не нажала кнопку.

Стояла и смотрела на девочку, которая смотрела на меня, и слышала гул, и видела в дальнем конце, как мужчина снова наклоняется к ладони — петля, обычная петля, он делал это сотый раз и будет делать снова, — и понимала, что стою здесь уже слишком долго.

Это нарушение. Не страшное, не уголовное — просто нарушение рабочей процедуры: объект в зоне досягаемости, аппарат готов, оперативник не выполняет действие. Если Марина сейчас запросит статус — я скажу «работаю», и это не будет ложью. Но это будет неточностью.

Я опустила аппарат.

Медленно, как опускают что-то тяжёлое, хотя аппарат весил меньше пяти килограммов — я его таскала часами и никогда не замечала веса. Сейчас заметила. Рука пошла вниз, сопло качнулось к полу, большой палец отошёл от кнопки активации.

Девочка стояла.

У неё не было выражения лица — визор не давал такой детализации на этой дистанции, только контуры, общее. Но наклон головы оставался тем же. И взгляд — или то, что визор

показывал как взгляд, — по-прежнему шёл прямо ко мне, без смещения.

Я не поворачивалась к ней спиной.

Начала отступать — медленно, шаг за шагом назад, не убыстряясь. Это тоже нарушение: протокол предписывает или упаковать, или зафиксировать и запросить поддержку, а не отступать. Запрашивать поддержку я не собиралась.

Шаг. Ещё шаг.

Мужчина у торца наклонился к ладони.

Шаг.

Девочка не двигалась — стояла у торца платформы, красная лента, колготки, руки вдоль тела, голова чуть набок. Смотрела, пока я отступала. Не тянулась за мной. Не открывала рот. Просто смотрела, как провожают — без тревоги, без призыва, с каким-то спокойствием, у которого не было правильного слова.

За спиной я почувствовала колонну — плечо коснулось бетона, холодного даже сквозь ткань куртки. Я остановилась, не оборачиваясь. Мужчина выпрямился, посмотрел на ладонь. Дальняя лампа не мигала. Гул шёл снизу.

Я перевела дыхание.

В голове было тихо — не пусто, а именно тихо, как после того, как долго думаешь об одном и вдруг перестаёшь. Мысль о протоколе лежала где-то на краю, ровная и отчётливая: я нарушила. Первый раз за сколько лет работы. Не по злему умыслу, не из-за ошибки, не потому что не успела.

Я стояла в четырёх шагах с готовым аппаратом и опустила трубку.

Потому что девочка качнула головой — или мне показалось.

Это не объяснение. Это констатация.

Я нашла взглядом контрольную точку выхода — лестничный пролёт, где я входила — и начала двигаться туда. Боком, медленно, не теряя девочку из периферийного зрения. На краю видимости она оставалась там же — у торца, у своего места, неподвижная и терпеливая, как будто никуда не собиралась.

Может, она и не собиралась.

Может, она стояла здесь всегда, пока я не пришла. Может, будет стоять, когда я уйду — наклонив голову чуть вбок и глядя туда, где я только что была. Или на следующего, кто придёт с аппаратом.

Я дошла до края платформы. Лестница была в трёх метрах.

Обернулась.

Девочка смотрела в мою сторону.

Я поднялась по ступеням.

Я сняла визор.

Это стандартная процедура — снять перед закрытием объекта, сверить показания аппарата с протоколом, убедиться, что резервуар принял нужный объём. Я делала это сотни

раз. Руки действовали сами: отстегнула боковой зажим, потянула визор вверх, моргнула от неожиданной темноты.

Темнота отступила за секунду, пока глаза привыкали.

Перрон был пустым.

Не в том смысле, в котором пуста комната, где только что кто-то находился. В том смысле, в котором пустым бывает только настоящее нежилое место: пыль, лежащая горизонтально и спокойно, как будто её никто не потревожил за последние двадцать лет. Свет дальней лампы мигал в своём ритме — не чаще, не реже. Эхо шагов — моих собственных шагов, которых я не делала, — нигде не висело. Никого. Ни мужчины с ладонью, ни пожилой женщины с сумкой, ни пары у колонны, ни остальных, которых я упаковала в первые полтора часа работы.

Так и должно быть.

Без визора мир всегда выглядит так: пусто, тихо, совершенно обычно. Именно за это я в первые месяцы работы снимала его слишком часто — почти суеверно, чтобы убедиться, что перрон действительно пустой, а не просто недоступный моему обычному зрению. Потом привыкла. Потом перестала думать об этом.

Сейчас я смотрела на пустой перрон и проверяла показания.

Резервуар: семнадцать единиц. Протокол по объекту: ожидалось от пятнадцати до двадцати. Норма. Время: четыре часа двенадцать минут. Немного дольше планового, но в

пределах допустимого. Аппарат не перегрелся, давление в норме. Всё сходилось.

Я записала цифры, убрала планшет.

Надела визор.

Первые секунды всегда немного странные — мир раздваивается, потом совмещается, потом снова становится единым, только другим. Синеватый фильтр. Другая резкость по периферии. Я знала, что сейчас увижу: пустые позиции там, где только что были фантомы. Место принято, объект зачищен, можно выходить.

Семнадцать позиций — пустых, как и должно быть.

И одна — нет.

Девочка стояла у торца платформы.

Там же, где я её оставила. Там, где она, судя по всему, стояла до того, как я вообще пришла. Тот же наклон головы. Те же опущенные вдоль тела руки. Колготки, пальто с коротким рукавом — не по сезону, хотя здесь сезона не существовало, здесь всегда было одно и то же. Красная лента в волосах.

Красная лента.

Я смотрела на неё секунды четыре — пять — прежде чем заметила.

Лента шевелилась.

Не сильно. Почти незаметно. Конец её — тот, что свисал за ухом — едва колебался, как будто кто-то дышал совсем рядом и дыхание задевало ткань. Я не дышала в ту сторону. Я стояла в семи метрах и дышала совсем иначе — ровно, как

учили, через нос, медленно.

Вентиляция на этом участке не работала — я это знала точно, потому что при входе проверяла воздушные потоки. Технические коридоры за торцом платформы были заварены ещё в восьмом году, когда станцию окончательно закрыли. Никакого тока воздуха. Никакого движения.

Лента шевелилась.

Я стояла и смотрела.

У меня не было объяснения. Это была первая за много лет работы ситуация, в которой у меня не было даже рабочей версии — не финальной, не принятой, а просто любой. Обычно я находила зацепку за что-нибудь: технический сбой, особенность резервуара, нестандартный способ петли. Что-то, из чего можно было вытянуть логику. Сейчас логика заканчивалась раньше, чем начиналась.

Фантомы не взаимодействуют с воздухом. Они не производят движения в физическом мире — только в том, что показывает костюм. Это первый урок. Это базовая механика. Иначе обычные люди их бы замечали, и тогда всё было бы совсем иначе, и ни нашего ведомства, ни протоколов, ни зачисток, скорее всего, не существовало бы.

Красная лента шевелилась.

Я опустила руку с аппаратом. Не резко — медленно, осознанно, как до этого. Большой палец лежал в сантиметре от кнопки активации и так и не нажал.

Выключила аппарат. Щелчок — и гул затих. Убрала труб-

ку. Закрепила аппарат за плечом, повернулась к лестнице.

Не смотрела на неё больше.

Это не было решением. Это было отсутствием сил принять другое.

Я шла медленно, не потому что боялась оступиться в темноте — фонарик на рукаве работал исправно — а потому что торопиться было некуда. Лестница, коридор, потом ещё один коридор, потом технический тамбур перед выходом на поверхность. Я знала этот маршрут наизусть. Каждая заброшенная станция немного другая, но маршруты всегда одинаковые — к выходу, от объекта, из того места, где работала, к месту, где можно снять костюм.

Я начала подниматься.

Ступени были бетонными, старыми, с выщербленными краями. Фонарик давал узкий конус света, и всё за его краями было тёмным — правильным тёмным, понятным, без фильтра визора. Я поднималась и думала об отчёте.

Объект зачищен полностью.

Именно это я напишу. Это будет правдой в том смысле, в котором правда бывает в отчётах: семнадцать единиц упаковано, резервуар в норме, время в пределах допустимого. Никаких технических нарушений. Никаких отклонений в работе оборудования. Объект принят и может быть закрыт.

Один фантом, не вошедший в протокол, не появится в графе отклонений. Там будет пусто.

Я поднялась на четыре пролёта и остановилась.

Не планировала останавливаться. Ноги просто замедлились, и я остановилась, и стояла в темноте на лестничном пролёте, рука на перилах, луч фонарика уткнулся в ступени чуть ниже.

Сзади было тихо.

Я не поворачивалась пять секунд. Потом повернулась.

Внизу — темнота. Лестница уходила вниз и терялась в том месте, куда не доставал свет. Никакого движения. Никакого силуэта. Ничего, что визор показал бы как фантома — но визор сейчас не смотрел назад, визор смотрел туда, куда смотрела я, а я смотрела в темноту, в которой было пусто.

Никого.

Я обернулась обратно к выходу и продолжила подъём.

Где-то в темноте за спиной тихо — почти беззвучно, почти так, что можно было списать на акустику бетонного пролёта — что-то неподвижно ждало.

Я решила, что мне показалось.

Это тоже войдёт в отчёт — ничего не войдёт, потому что в отчётах нет графы для ощущений на лестнице. Есть графы для единиц, давления, времени. Это полезные вещи. Это вещи, которым можно доверять.

Я вышла в технический тамбур, нашла блокировочный щиток, подала сигнал закрытия. Подождала, пока система подтвердит принятие объекта. Экран мигнул зелёным.

Потом сняла перчатку с правой руки и потёрла переносицу под краем визора. Просто так. Потому что было нужно

что-то сделать руками.

Снаружи ждал выход на поверхность, ждал транспорт, ждал стандартный разбор после задания, ждал Николай Сергеевич с пометками к протоколу. Ждала та часть дня, в которой всё происходило правильно и в нужном порядке.

Я надела перчатку.

Пошла к выходу.

Глава 2. Отчёт без объяснений

Резервуар показывал семнадцать.

Я смотрела на цифру дольше, чем нужно. Не потому что сомневалась — показания были чистые, давление в пределах нормы, индикатор горел ровным зелёным, никакой мигающей тревоги по краям дисплея. Просто стояла и смотрела, пока пальцы делали то, что умели: проверить уплотнение крышки, проверить крепление ручки, проверить, что трубка намотана без перегибов. Руки давно работали без участия головы, наизусть, как чужие. Голова занималась чем-то другим.

Семнадцать единиц. Объект принят.

Я сняла резервуар со стойки, перенесла в транспортный контейнер, защёлкнула замок. Щелчок получился хороший — плотный, уверенный, из тех, что отзываются в запястье. Система блокировки подтвердила закрытие. Всё как положено.

Всё как положено.

Я взяла фонарик и прошла по коридору назад — туда, где полчаса назад стояла девочка.

Не нужно было этого делать. В протоколе нет пункта «проверить место, где показалось». Финальный обход делается по периметру — стандартный маршрут, четыре точки,

аппарат фиксирует чисто, ты уходишь. Я знала маршрут наизусть, как расположение мебели в собственной прихожей. Ноги всё равно повернули не туда.

Коридор был пустым.

Конечно, пустым. Луч фонарика прошёлся по стенам, по полу, по тому месту у стыка труб, где я видела её — видела что-то — и там не было ничего, кроме пыли и облупившейся краски. Пыль лежала ровно. Не потревоженная, не смятая, без следов. Только моя собственная дорожка оставалась на полу — след подошвы туда и обратно, две параллельные строчки в серой взвеси, и больше ничего.

Хорошо, сказала я себе. Значит, всё в порядке.

Я посветила ещё раз — вдоль плинтуса, вверх по стене. Там, где труба уходила в потолок, была трещина. Старая, затянутая грязью, похожая на застывшую молнию. Никакого движения. Никакого отблеска.

Я развернулась и пошла обратно к контейнеру.

По дороге мозг начал работу, которую я не заказывала, — методично, как аппарат на плановом осмотре. Перебирал возможные объяснения, выстраивал их в ряд, проверял на прочность. Первым шёл костюм: визор иногда давал наложение при высокой концентрации сигналов, я читала о таком в технических бюллетенях — несколько фантомов в одной точке пространства, аппарат считывает разом, картинка двоится. Но семнадцать были упакованы один за другим, аккуратно, без давки, и сигнал на последних шёл чистый, ровной

зелёной ниткой. Не тот случай.

Второй вариант — усталость. Тоже разумно. У меня за плечами было три задания за десять дней, последнее из них затянулось, и если смотреть на одно место под нужным углом достаточно долго, голова начинает дорисовывать недостающее. Это физиология, не мистика. Я знала про это.

Третий — наложение от предыдущего объекта. Бывает редко, но бывает: если фантом был нестандартным, часть сигнала может остаться на визоре как артефакт, как отпечаток пальца на стекле. Проверяется при сдаче костюма. Я сдам, проверят.

Вот три варианта. Три разумных, технических, занесённых в инструкции варианта. Я выбрала их все сразу — пусть лежат рядом, не исключая друг друга, — и перестала думать дальше.

Начала думать про отчёт.

Отчёт складывался хорошо. Слова приходили сами: «за-чистка завершена в штатном режиме», «семнадцать единиц упаковано», «оборудование без отклонений», «объект может быть закрыт». Я прокручивала их, пока несла контейнер к выходу, и они стояли на своих местах плотно и правильно, как замки на крышке резервуара. Ни одного зазора, ни одного места, куда могло бы просочиться лишнее.

«Аномалий не зафиксировано» — это была последняя фраза. Самая важная. Она тоже вставала без усилий, легко, как будто давно ждала своей очереди у порога.

Слишком легко — успела подумать я. Но это была мысль без хвоста, она появилась и ушла, скользнула мимо, и я её не поймала.

Технический тамбур перед выходом пах краской и сыростью — той особой подземной сыростью, что оседает на нёбе. Я поставила контейнер на опорную площадку, нашла щиток, подала сигнал. Система думала четыре секунды — я считала — потом экран мигнул зелёным. Принято. Принято.

Сняла шлем.

Первые несколько секунд без визора всегда немного странные: мир становится чуть более плоским, чуть менее насыщенным. Никаких меток на стенах, никаких индикаторов по периметру зрения, никаких данных об уровне сигнала. Просто серый тамбур и флуоресцентная лампа под потолком, гудящая едва слышно. Просто я.

Тихо.

Я подождала — зачем, не знаю — и потом нажала на дверь.

Снаружи был апрель.

Я не сразу это осознала. Сначала просто — свет. После нескольких часов в подземном объекте он бил некстати, резал глаза, и я остановилась на пороге, щурясь, пока зрачки перестраивались. Потом почувствовала ветер — холодный, но уже без зимней злобы, с каким-то дальним, талым запахом земли. Потом услышала город.

Он был громкий.

Я иногда забывала, насколько он громкий. Машины на проспекте, чьи-то голоса с той стороны забора, откуда-то сзади — собака лает в несколько голосов, перебивая сама себя. Голубь с металлическим перещёлком когтей прошёлся по бордюру в метре от меня и не испугался, покосился круглым глазом и отвернулся. Обычный город. Никакого фильтра, никакого визора, никаких меток.

Просто мир, в котором живут люди.

Я поставила шлем под мышку, взяла контейнер в другую руку, сделала несколько шагов от двери и встала на секунду просто так — на солнце, которое было не тёплым ещё, но светлым, и смотрела, как по проспекту едут машины. Там, за ограждением, кто-то поравнялся с остановкой, поднял руку, пропустил автобус. Женщина с коляской остановилась поправить чехол, наклонилась, что-то тихо сказала внутрь. Двое подростков стояли у ларька с телефонами — не смотрели друг на друга, каждый в свой экран, но стояли рядом, плечом к плечу.

Живые. Все они были живыми.

Это была глупая мысль, и я её знала. Но она всё равно случалась каждый раз — этот короткий момент на выходе с объекта, когда смотришь на людей и думаешь именно это. Вот они. Просто ходят, просто едут, просто стоят рядом. Не знают ничего. Это хорошо.

Это правильно.

Я убрала шлем в сумку, перехватила контейнер поудобнее

и пошла к машине.

Отчёт был готов. Семнадцать единиц. Штатный режим. Никаких аномалий.

Девочки с красной лентой в нём не было.

Кабинет Николая Сергеевича всегда выглядел так, будто его готовили к инвентаризации, которая вот-вот начнётся: стопки папок по углам стола — ровные, как кирпичная кладка, экран монитора развёрнут к окну, чтобы не бликовал, и всегда одна и та же кружка с тёмным пятном на дне, которую никто никогда не мыл. Я закрыла за собой дверь и привычно не стала искать стул — разговоры с куратором лучше шли стоя, быстрее заканчивались.

Он листал что-то в экране, отражение бежало по стёклам очков. Не поднял голову.

— Докладывай.

Я открыла блокнот — бумажный, по старой привычке — и начала с первого номера.

— Единица, единица-бис, двойка, тройка. — Голос был ровным. Я отработала этот тон ещё на первом году: никаких интонационных горок, никаких пауз, которые могут что-то значить. Просто перечисление. — Четыре, пять, шесть. Восьмой объект, южный сектор — там было два нестандартно сближенных. Взяла их последовательно. Шестнадцать и семнадцатый замыкают.

Цифра «семнадцать» вышла ровно. Именно ровно — не

тише, не твёрже. Пауза перед ней была секунды на полторы длиннее обычного, и я это знала, и ничего не могла с этим сделать. Просто переждала, пока горло решит, что готово.

Николай Сергеевич перелистнул страницу в экране. Не посмотрел.

— Контейнер сдала на тамбурной площадке?

— Да. Сигнал принят в семнадцать сорок восемь.

— Хорошо.

Он сделал пометку — я слышала, как пальцы прошлись по клавиатуре. Короткий щелчок.

— Аномалий не было?

Он всё ещё смотрел в экран, когда это спросил. Я зафиксировала этот факт где-то в стороне от основного внимания — как замечаешь, что кран на кухне чуть подтекает, но не сейчас, не сейчас.

— Нет, — сказала я.

Одно слово. Без добавок. Добавки звучат как объяснения, объяснения звучат как оправдания, оправдания — это уже разговор, которого я не хотела.

— Нет, — повторил он тем же тоном, которым читают вслух то, что уже вносят в базу. Не вопрос, не подтверждение — просто перенос с воздуха на носитель.

Я закрыла блокнот.

Несколько секунд мы существовали в одном кабинете молча. Снаружи, за стеной, кто-то двигал стулья, ножки скребли по полу. Лампа под потолком гудела на низкой ноте

— я раньше не замечала, а сейчас заметила, потому что следила за каждым звуком, кроме собственного дыхания.

— По следующему объекту, — сказал Николай Сергеевич. — Восточный сектор, закрытый больничный корпус. Предварительно — восемь-десять единиц, но там не снимали год, так что накопление возможно выше. Ориентировочно в пятницу.

— Хорошо.

— Марина пойдёт второй.

— Понятно.

Он перелистнул ещё одну страницу. Я подождала секунду — нет ли ещё чего — и развернулась к двери.

Ручка была холодной. Металлическая, старая, с той выщербленной накладкой, которую меняли года три назад и всё равно поставили такую же. Я её взяла, потянула.

— Вера.

Я остановилась, не оборачиваясь. Секунда.

— Да.

— Отдохни до пятницы.

Это прозвучало как формальность. Именно так оно и должно было прозвучать — я это знала. Обычная фраза, которую говорят после закрытого задания: ты хорошо работала, выдохни, потом следующее. Ничего между строк.

Я всё равно обернулась.

Николай Сергеевич смотрел в экран. Лицо — обычное его рабочее лицо, то, которое я наблюдала уже четыре года:

немного усталое, немного сосредоточенное, без лишнего выражения. Пальцы лежали на клавиатуре, но не двигались.

Я не могла сказать, поверил ли он.

Не потому что в нём что-то было не так — как раз потому что было всё так, как всегда. Он не поднял взгляд, не переспросил, не дал паузе затянуться. Принял семнадцать. Принял «нет». Дал следующее задание. Закончил разговор ровно там, где разговор должен был закончиться.

Может, так и работает настоящее неверие: оно не выглядит как недоверие, оно выглядит просто как человек, у которого есть другие дела и остывшая кружка на краю стола.

Или он просто не стал копать.

Я вышла и тихо потянула дверь за собой — не хлопнула, не задержалась. В коридоре пахло казённым чаем и чем-то химическим из соседней лаборатории, едким, режущим. Обычный запах. Обычный коридор.

Семнадцать единиц.

Я шла к лестнице и думала про цифру «семнадцать» — как она у меня вышла ровно и как это, наверное, ничего не значит. Просто профессионализм. Просто привычка. Просто голос, который научился не дрожать, когда не надо.

Я научила его этому сама.

Комната отдыха на нашей базе — это не комната. Это закуток с диваном, микроволновкой, кофемашиной и столом, за которым можно сидеть вдвоём, если никто не против лок-

тиями. Кто-то давно повесил над столом календарь с видами Байкала — за три года страницы перелистнул, кажется, один раз, и синева на них успела выцвести по верхнему краю.

Марина стояла у кофемашины спиной ко мне.

— Она снова зависла, — сообщила она тоном, каким сообщают о государственном перевороте: не раздражённо, а с профессиональной фиксацией факта. — Третий раз за неделю. Надо писать заявку.

— Напиши.

— Ты тоже подпиши. Коллективные быстрее рассматривают.

— Хорошо.

Кофемашина булькнула, сдалась и начала шуметь, потянуло горелым кофе. Марина повернулась, облокотилась на столешницу, скрестила руки. Она уже переоделась из рабочего — куртка на крючке, волосы убраны, тот обычный вид, который бывает после закрытого задания, когда тело выдыхает раньше, чем голова успевает дать команду.

— Николай Сергеевич долго держал?

— Нет.

— Он мне вчера на прошлый отчёт три вопроса прислал по электронной. Про нумерацию в приложении. — Она поморщилась чуть заметно. — Три вопроса про нумерацию, Вер.

— Бывает.

Кофе закапал в чашку тонкой тёмной струйкой. Марина

взяла её, поднесла к носу, оценивающе понюхала.

— Сносно. Будешь?

— Да.

Я села за стол. Марина налила вторую чашку и поставила передо мной, потом устроилась напротив. Снаружи кто-то прошёл по коридору с тележкой — колёса стучали через плитку равномерно, потом стихли за поворотом. Байкал на календаре смотрел синим, ненастоящим.

Я взяла чашку. Тепло вошло в ладони. Подождала секунду.

— Слушай, — сказала я. — У тебя бывало на объектах — что-то вело себя не по петле?

Марина посмотрела на меня поверх чашки.

— В каком смысле?

— Ну, — я подбирала слова без спешки, — отклонение от стандартного паттерна. Не повтор, а что-то другое. Реакция на тебя, на оборудование — не то, что ожидаешь.

Она не стала делать паузы. Именно это я и запомнила потом — что паузы не было вообще, ни одной.

— Сбой костюма, — сказала Марина. — Два раза, оба в тоннелях. Там интерференция на глубине, изображение плывёт, и начинает казаться, что паттерн меняется. Первый раз я чуть не подала рапорт — потом техники объяснили, это электромагнитный фон от старой проводки.

— А если не сбой.

— Глюк датчика, — она пожала плечом. — Это было

в прошлом году, на Речном. Датчик движения фиксировал что-то в коридоре, которого в базе не было. Оказалось — датчик. Мы потом смеялись.

— Понятно.

Марина опустила чашку на стол, глухо звякнуло дно.

— А что случилось?

— Ничего, — сказала я. — Просто думала об одном эпизоде. Вчерашнем.

— Что за эпизод?

Я посмотрела на кофе. Тёмный, почти без пара уже — остывал быстро в этом закутке, здесь всегда было холоднее, чем надо, будто сквозняк из-под двери никогда не выключался.

— Показалось, — сказала я. — Наверное, усталость.

Марина смотрела на меня секунду дольше, чем нужно для того, чтобы просто принять ответ. У неё хорошие глаза в этом смысле — она не выражает недоверие, она просто смотрит чуть внимательнее, и ты сам начинаешь чувствовать, где ты не договорил.

— Ты когда последний раз нормально спала?

— Нормально — это сколько?

— Больше пяти часов.

Я подумала, перебрала последние ночи.

— В пятницу.

— Вер. — Она сказала это без интонации особенной, просто моё имя, коротко. — После пятницы надо брать выход-

ной, не ждать, пока Николай Сергеевич предложит.

— Он как раз сказал — отдохни до пятницы.

— Вот и отдыхай.

Она допила кофе, поднялась, поставила чашку в раковину. Потянулась за курткой. В закутке была одна вешалка на четыре крючка, и три из них всегда были заняты чужим — куртками, чьей-то шапкой с прошлой зимы, полотенцем, которое, кажется, здесь жило самостоятельно. Марина сняла свою куртку, встряхнула.

— На Речном, — сказала я.

Она обернулась.

— Когда глюк датчика. Ты сама что-нибудь видела? Без датчика — просто глазами?

Марина надела куртку. Застегнула молнию до половины, как всегда.

— Нет, — сказала она просто. — Там было темно и воняло сыростью. Я смотрела на схему и думала, когда мы уже выйдем.

Она сказала это без защиты, без той интонации, которая бывает, когда человек что-то скрывает. Просто ответила — потому что вопрос был понятный, ответ был понятный, и ничего другого она не видела. Не потому что не хотела. Потому что не было.

— Ладно, — сказала я.

— Ты точно в порядке?

— Да.

— Тогда выспись. — Она забрала со стола телефон, сунула в карман. — Подпиши под заявкой жду до завтра, иначе сама подам как и.о. коллектива.

— Подпишу.

Она ушла. Дверь закрылась без стука — она умела так, Марина, уходить тихо и окончательно, без того остаточного присутствия, которое бывает после некоторых людей, оседающего в воздухе комнаты.

Я осталась за столом.

Кофе остыл до температуры, при которой его уже не пьют, а просто держат в руках. Я держала. Байкал на стене был такой синий, что казался ненастоящим — слишком насыщенный, отредактированный, из той категории красоты, которой не доверяешь.

Марина не уклонялась. Это я понимала точно — я четыре года работаю рядом с ней и знаю, как и когда она это делает. Там бывают определённые паузы, определённые слова-прокладки, взгляд чуть в сторону. Ничего этого не было. Она отвечала так, как отвечают на вопрос, у которого есть скучный очевидный ответ, — без раздумий, без усилия, сразу.

Она не видела. Она просто не видела.

Я поставила чашку на стол.

Правильный вопрос был бы: не бывало ли у тебя на задании ребёнка, который смотрит на тебя и показывает рукой, куда идти. Ребёнка, которого нет ни в одной базе по объекту. Который не петлит и не повторяет одно и то же, а ждёт, пока

ты двинешься, и тогда идёт первым.

Этот вопрос я не задала.

Я встала, вылила кофе в раковину, тёмная струйка ушла в слив, поставила чашку рядом с маринкиной. За окном — узкое, под потолком — небо было белёсым, февральским, без теней.

Семнадцать единиц. Чистый объект. Закрытое задание.

Я вышла из комнаты, не оглянувшись на Байкал.

Дома был включён свет — в прихожей, на кухне, в комнате. Я никогда не уходила в темноту, старая привычка, ещё с того времени, когда думала, что темнота — это просто темнота.

Замок щёлкнул привычно, знакомой двойной нотой. Запах квартиры встретил меня у порога — немного сухо, немного стоячего воздуха, и что-то едва уловимое от стопки книг у окна, запах бумаги, который я давно перестала замечать и замечаю только когда возвращаюсь с заданий. Батарея в прихожей грела исправно, отдавала теплом в лодыжки. Чайник на кухне стоял там, где я его оставила — слева от плиты, крышкой к стене.

Всё было на месте.

Я разулась, выпрямилась. На крючке у двери — куртка рабочая, поверх которой я сейчас повешу домашнюю. Шарф из серой шерсти, который я купила три зимы назад и собираюсь выбросить уже вторую из них — потому что он вытя-

нулся, потому что одна бахрома короче другой, потому что нет причины оставлять вещи, которые больше не носишь. Я взяла его в руку, шерсть кольнула ладонь.

Положила обратно.

Не сегодня.

Чайник я включила просто так, чтобы его шум заполнил кухню. Хорошее, механическое, понятное гудение. Нагревается вода, закипит, отключится. Всё предсказуемо, всё по термодинамике.

Я села на стул у окна — не у кухонного стола, а именно у окна, где стоит стул, на который обычно кладу сумку. Сумку поставила на пол. Окно было чёрным, погода не оставляла вечером ничего кроме отражения моего лица — серого, с тенями под глазами, и желтоватого пятна кухонного света за плечом.

Закрыла глаза.

Хорошо. Попробуем по-другому.

Сбой датчика — это случается. Прошлой весной на Кузцовском у Димы датчик двое суток показывал фантома в вентиляционной шахте, которой там физически не было. Костюм — техника, техника даёт ошибки, техника проецирует артефакты туда, куда смотришь. Наложение изображений: база данных, визуальный шум, усталость оператора. Я работаю шесть часов в костюме, я устала, мои глаза устали, мой мозг устал и дорисовал что-то связанное из того, что не было связным. Девочка — это артефакт. Голографический мусор,

который мозг собрал в образ, потому что мозг так устроен — он ищет лица, ищет силуэты, предпочитает знакомое случайному.

Я держала это перед собой ровно, как держат рабочую гипотезу, на вытянутых руках.

Чайник начинал набирать обороты, тихий гул поднимался к свисту.

Четыре года работы. Я знаю, как ведут себя фантомы. Они повторяют. Они идут по одному маршруту — по коридору, по лестнице, к двери, через которую однажды вошли. Они не останавливаются и не поворачивают. Они не ждут. Они не смотрят на тебя — точнее, иногда смотрят, но это ничего не значит, это просто направление, в котором они смотрели когда-то, когда шли к двери, к коридору, к лестнице. Фантом не выбирает, на что смотреть. Фантом не выбирает вообще.

Вот что я знала.

Чайник закипел и отключился с сухим щелчком. Сразу вернулась тишина — плотная, домашняя тишина, в которой слышно, как где-то в трубах что-то чуть булькает и потрескивает плинтус у батареи.

Я открыла глаза.

Девочка смотрела на меня.

Не сквозь меня. Не куда-то за мной. На меня — туда, где я стояла, прямо в лицо. И когда я сдвинулась — потому что я сдвинулась, я проверила, я прошла три шага вдоль стены, — она повернула голову. Незначительно, на несколько гра-

дусов. Достаточно.

Я знала это и раньше. Я знала это ещё там, в коридоре, когда она показала рукой на боковой отсек и оказалась права. Но пока ехала домой — в метро, в переходе, пока шла от остановки, — я успела построить вокруг этого знания несколько аккуратных стен. Тройное отражение в вагонном стекле. Визуальный шум. Усталость.

Стены стояли, пока я не закрыла глаза и не попробовала разобрать образ по частям.

Разбирать было нечего. Там было лицо, которое смотрело на меня. Там были глаза, которые двигались вслед за мной.

В комнате было тихо. Жёлтый свет. Отражение в чёрном окне. Стул с сумкой на полу. Вода в чайнике, которая только что кипела и теперь остывала.

Ничего.

Совсем ничего.

— Показалось, — сказала я вслух.

Звук собственного голоса в пустой кухне вышел немного неожиданным — слишком отчётливым, чужим в этих стенах. Я не привыкла разговаривать с квартирой.

Я встала, налила воды из чайника, хотя не хотела. Держала чашку в руках, пар полз к подбородку. Смотрела на батарею у стены — белую, с облупившейся краской на одной секции, где-то посередине. Давно облупилась, я каждый раз думаю, что надо бы перекрасить, и каждый раз нахожу причину не делать этого сейчас.

Показалось.

Я почти верила.

Почти — это слово, которое я не стала бы вносить ни в один протокол, потому что в протоколах нет градаций уверенности. Объект обнаружен или не обнаружен. Упакован или не упакован. Показалось или не показалось.

Я поставила чашку.

Батарея потрескивала. Где-то внизу — сквозь перекрытие — работал телевизор у соседей, неразборчивый гул с интонациями новостей, ровный, домашний.

Всё было на месте. Всё было нормально. Ничего не изменилось с тех пор, как я ушла утром — те же книги, та же батарея, тот же шарф на крючке, который я снова не выбросила.

Я погасила свет в кухне и пошла в комнату.

Я не спала.

Это не было страхом — во всяком случае, я говорила себе, что не страхом. Просто лежала в темноте и смотрела в потолок, где уличный фонарь чертил бледную полосу через шторы. Медленно смещалась, по сантиметру в час, эта полоса. Или не смещалась — я не проверяла.

Я думала о старике.

Первое задание. Не самое сложное технически — скорее, наоборот, учебное, специально подобранное. Обычная квартира в Выхино, третий этаж, хозяин умер год назад, соседи

жаловались на звуки. Протокол: прийти, найти, упаковать.

Он накрывал на стол.

Я видела его через визор — немолодой мужчина в клетчатой рубаше, аккуратно, с привычкой человека, который делал это тысячи раз: тарелки, ложки, хлебница, стакан. Потом смотрел на дверь. Ждал. Стол оставался пустым. Через несколько минут убирал — так же аккуратно, с той же привычкой — и начинал снова, с первой тарелки.

Я смотрела на него минут десять, пока напарник возился с оборудованием. Десять минут — бесконечно много по меркам задания. Потом упаковала. Быстро, как учили. Резервуар щёлкнул, индикатор мигнул зелёным.

В квартире стало тихо.

Напарник что-то сказал — что-то профессиональное, одобрительное. Я ответила. Мы вышли. В машине я заполнила бланк, поставила время, инициалы, код объекта.

Этой же ночью долго не могла понять, почему. Зачем я вообще здесь. Что это значит — прийти в профессию, которая называет людей объектами и хранит их в контейнерах.

Потом поняла.

Или решила, что поняла — что одно и то же с точки зрения поведения.

Я лежала и смотрела в потолок. Полоса от фонаря слегка дрожала — видимо, ветер, ветка за окном скребла по невидимому.

Я пришла, потому что они не знали.

Не знали, что умерли. Продолжали жить тем, что умели, — накрывали стол, ждали кого-то, шли куда-то по коридору, который давно снесли.

Помочь живым просто: они скажут, что нужно. Попросят, объяснят, позвонят. Помочь мёртвым, которые не знают о себе правды, — это другое. Для этого нужен человек, который видит их, приходит к ним и делает что-то, даже если то, что он делает, называется «зачисткой».

Это я рассказывала себе. Красиво. Почти убедительно.

Потолок. Полоса от фонаря. Ветер.

Мысль, которую я обычно не додумывала до конца, пришла сама — в три часа ночи, в полной тишине, когда мозг перестаёт слушаться.

Я не знала, что происходит с фантомом в резервуаре.

Никто не знал. Или знали, но мне не говорили, а я не спрашивала — потому что не спрашивать было частью протокола, может, даже не записанной явно, но очевидной по тому, как замолкали, если кто-то начинал. Резервуары уходили в хранилище. Индикаторы показывали заполненность. Что внутри — неизвестно.

Я упаковала больше сотни фантомов. Считала до шестидесяти трёх, потом перестала. После шестидесяти трёх считать было неудобно по причинам, которые я не формулировала вслух.

Старик в клетчатой рубаше где-то в хранилище.

Накрывает ли он стол в резервуаре. Или там темнота без

дна, и он в ней один, и не может понять, где дверь, куда ждать. Или ничего — просто стоп, конец записи, пустота, и это лучше всего.

Я не знала.

Зачистка — это не освобождение, это перемещение. Я знала это всегда — технически, терминологически. «Перемещение объекта в место хранения». Но между знанием и пониманием есть разница, которую удобно игнорировать в рабочее время.

В три часа ночи — неудобно.

Я повернулась на бок, простыня была холодной с той стороны.

И тут пришла она — не как страх, не как виноватая мысль, а просто тихо, как факт, который ждал своей очереди: девочка с красной лентой знала, что они застряли.

Она указывала на них. Один за другим — боковой отсек, ниша за шкафом, пустой закуток у лестницы. Каждый раз оказывалась права. Не случайно, не по совпадению. Она видела их так же, как я, — или по-другому, но точнее. Она ориентировалась там, где я шла по показаниям приборов.

Значит, она понимала, что такое «застрять». Понимала разницу между теми, кто петлит, и теми, кто может выйти из петли.

Значит, сама — нет?

Я обрезала мысль раньше, чем она договорилась. Не потому что испугалась, а потому что это был уже не анализ, а

что-то другое — домысливание, достраивание, подгонка под то, что хочется думать. Это мне не нужно. Это никому не нужно.

Моя работа — протокол.

Прийти. Найти. Упаковать. Заполнить бланк. Время, инициалы, код объекта.

Не думать о том, что в резервуаре. Не строить теорий о девочках, которые показывают рукой на ниши за шкафом. Не лежать в три часа ночи и не разговаривать с потолком.

Протокол.

Я повторяла это слово в голове — не как убеждение, а как что-то, за что можно держаться. Как поручень в метро, когда качает. Не потому что поручень тебя спасёт, а потому что держаться лучше, чем нет.

Фонарь за окном мигнул — один раз, едва заметно — и погас. Полоса на потолке исчезла.

Стало совсем темно.

Я закрыла глаза.

Протокол, подумала я.

И, кажется, почти сразу уснула.

Я проснулась в начале восьмого.

За окном — серый апрельский свет, ещё не солнечный, просто светлый. Фонарь напротив уже выключился. Кто-то во дворе заводил машину — долго, с третьей попытки, стартер скрежетал вхолостую, потом мотор схватился, и машина

уехала.

Я лежала секунду, пока тело вспоминало, что надо вставать.

На кухне первым делом включила чайник. Он занял своё место в ряду обычных утренних вещей: кружка на крюке, хлеб на доске, окно с видом на двор. Всё на месте. Всё как надо.

Я стояла у раковины и смотрела, как сосед с третьего этажа выводит собаку. Пёс тянул поводок влево, сосед привычно подтягивал вправо. Каждое утро. Пёс всегда тянул влево.

Меня это успокаивало — что я это знала. Что есть вещи, у которых есть своя петля, и это нормально, и никого не беспокоит.

Я отвернулась.

Блокнот лежал на столе.

Я не сразу поняла, что не так. Просто посмотрела — и что-то сдвинулось, как бывает, когда смотришь на привычную вещь и вдруг не можешь вспомнить, как она называется. Блокнот. Рабочий. Тёмно-синяя обложка с потрёпанным уголком.

Мой.

Я не брала его домой.

Я точно помнила: сумка на базе, блокнот в боковом кармане. Я застёгиваю карман — всегда застёгиваю, потому что однажды потеряла блокнот и потом пересматривала три объекта, чтобы восстановить записи. С тех пор — всегда застё-

гиваю. Это не привычка, это рефлекс.

Блокнот лежал на моём столе. На кухонном, между вчерашней кружкой и сложенной газетой.

Я подошла, доски пола холодили ступни.

Может, взяла и не заметила. Бывает — вещи перекалываешь машинально, потом не помнишь. Три ночи с недосыпом, всё-таки. Возможно.

Чайник начал набирать тон — ещё тихо, ещё только разогревался.

Я взяла блокнот. Открыла.

Первые страницы — мои. Объекты, коды, время начала, время окончания. Количество упакованных. Дата. Мой почерк — угловатый, торопливый, буква «д» с хвостиком влево. Три последних задания, всё знакомо. Вот вчерашнее: код объекта, время, мои инициалы в углу. Семнадцать упакованных — именно столько, сколько я сдала в отчёте.

Страница заканчивалась посередине. Я листала до конца машинально — просто чтобы убедиться, что дальше пусто, что блокнот — это просто блокнот, который я, видимо, всё-таки зачем-то взяла домой.

Последняя страница.

Одна строка. В самом верху, ровно по линейке.

Детский почерк — круглые буквы, немного наклонённые вправо, с нажимом на прямых линиях. Не мой. Не похожий ни на кого из бригады. Просто цифра.

Я стояла и смотрела на неё, и палец сам замер на бумаге.

На вчерашнем задании я упаковала семнадцать фантомов. Восемнадцатый — девочка с красной лентой. Фантом, которого я не упаковала. Которого не внесла в отчёт. Которого как будто не было — по документам, по бланкам, по протоколу.

Чайник закипел — резко, с паром, с лёгким стуком крышки. За окном кто-то открыл форточку, скрипнула рама. Двор жил своим утром: голоса, шаги, чья-то музыка из машины, удаляющийся ритм.

Я стояла с блокнотом в руках, и страница смотрела на меня своей одной цифрой.

Не угрожающей. Не кривой. Просто аккуратной — как будто ребёнок старался писать красиво. Восьмёрка в два круга, ровная, законченная.

Я подумала: позвонить куратору. Николай Сергеевич возьмёт трубку после первого гудка — он всегда берёт, это единственное, что в нём можно считать надёжным. Я скажу: блокнот оказался дома, в нём посторонняя запись. Он спросит: какая. Я скажу: цифра. Он спросит: откуда. Я не смогу ответить.

Я спросила себя, что именно я ему скажу.

Что в моём рабочем блокноте, который я не брала домой, детским почерком написана цифра, совпадающая с количеством фантомов на задании, включая того, которого я скры-

ла от отчёта?

Что я думаю, кто её написал?

Чайник продолжал булькать, пар оседал на стекле. Я так и не налила чай.

Я закрыла блокнот.

Потом открыла снова — как будто цифра могла исчезнуть, пока обложка была закрыта, или оказаться другой, или вообще не существовать. Она была там. Всё та же. Тот же нажим на прямых линиях.

Я положила блокнот на стол. Взяла кружку. Налила воду из чайника, хотя заварки так и не достала, и пила просто горячую воду, стоя у плиты, обжигая губы, и смотрела на блокнот.

Позвонить. Или закрыть, убрать в сумку и сделать вид, что не видела. Что блокнот всегда был дома. Что я сама его принесла. Что страница пустая.

За окном сосед с третьего этажа возвращался с прогулки — пёс теперь тянул вправо, к двери. Сосед подтягивал влево. Я смотрела на блокнот.

Глава 3. Красная лента в вагоне

Народ в час пик — это особый вид агрессии. Не злобной, не личной — просто массовой, направленной на то, чтобы втиснуться и не упасть. Нас с Мариной занесло в предпоследний вагон, который почему-то всегда самый набитый, и теперь я стою, держась за поручень, прижатая чьим-то рюкзаком к вертикальной рукоятке. В нос лезет запах мокрой куртки — не своей, чужой, с каплями, которые ещё не успели высохнуть, кисловатый, шерстяной, тяжёлый в тесноте.

Двери закрываются. Вагон дёргается и идёт.

Без костюма ездить легче. Это единственное, что я фиксирую в первые несколько секунд. Никакого лишнего веса, никакой плёнки перед глазами, которую мозг учится воспринимать как нейтральную, но так и не выучивается до конца. Просто люди, просто поручень, просто гул колёс под ногами — тёплый, ровный, отдающийся в подошвах. Всё в одном слое.

— Не понимаю, почему они не могут хотя бы отчёты поделить по дням, — говорит Марина. — Четыре сводки за утро. Четыре! Кто вообще это придумал?

— Не знаю.

— Это кто-то специально придумал, чтобы мы не успевали.

— Может быть.

Марина сдвигается немного, освобождая пространство для женщины с сумкой, и продолжает — про отчёты, про то, что у Горского теперь новая программа, которая якобы автозаполняет поля, но на самом деле просто переформатирует то, что уже написано, и ты тратишь столько же времени, только теперь ещё и правишь автозаполненное. Голос у неё ровный, привычно-раздражённый — таким говорят о вещах, которые давно перестали удивлять, но всё ещё исправно злят.

Я смотрю в окно.

За стеклом тоннель — чёрный, с редкими полосами кабелей вдоль стен, с сигнальными огоньками, мелькающими через одинаковые интервалы. В стекле отражается вагон: лица, телефоны, чьи-то наушники. Моё отражение — бледноватое, немного размытое, чужое.

— Я думаю в эту пятницу сделать пасту, — говорит Марина. — Нормальную, не из пакета. Ты придёшь?

— Посмотрим.

— Это не ответ.

— Это ответ. Просто не тот, который ты хочешь услышать.

Она фыркает. Я почти улыбаюсь.

За ночь я уговорила себя, что всё объяснимо. Не то чтобы я садилась специально и выстраивала аргументы — просто к утру объяснение уже существовало, аккуратное и рабочее:

девочка с красной лентой была нетипичным петлевым. Бывают такие — с более сложным циклом, с большей степенью присутствия, с реакциями, которые читаются как осознанные, но осознанными не являются. Я видела похожее однажды на закрытом больничном корпусе: фантом медсестры, которая поворачивала голову вслед за мной с такой точностью, что хотелось сказать «извините». Это не значило ничего. Это значило только то, что петля была сложнее.

Блокнот я убрала в ящик стола. Цифру я решила не трогать до следующего разговора с Николаем Сергеевичем — и только если разговор сам собой свернёт в ту сторону.

Дом этой ночью был тихим. Ни звуков, ни ощущений, ни того, что я называю про себя «плотностью» — когда воздух в комнате кажется немного неправильным, как перед задержанным выдохом. Просто тишина, просто потолок, просто будильник в семь.

Тихий дом — это знак того, что всё в порядке. Я в это верила. Я в это верю.

Вагон покачивается на повороте — равномерно, предсказуемо, как всегда на этом участке. Люди качаются вместе с ним. Рюкзак за моей спиной сдвигается, кто-то поправляет сумку, кто-то чуть переступает. Обычное движение обычной массы в обычном пространстве.

— Слушай, а ты видела новый сезон? — спрашивает Марина. — Ну, тот, про больницу.

— Не начинала.

— Начни. Там во втором эпизоде такое, что я буквально паузу ставила.

— Страшно?

— Не страшно, а — не знаю. Неприятно как-то. Правдоподобно слишком.

Я киваю. Тоннель за стеклом всё тот же — чёрный, с кабелями, с огоньками. Отражение в стекле моё. Рядом — Марина, которая говорит про второй эпизод и актёра, которого раньше не любила, а теперь пересмотрела своё отношение.

Всё нормально.

Всё обычно.

Вагон идёт ровно.

Я увидела её, когда вагон качнулся на стрелке.

Не сразу — сначала просто деталь. Что-то яркое в дальнем конце, среди курток и рюкзаков, среди обычной пятничной серости. Красное.

Я посмотрела.

Молодая женщина — лет двадцати, может, чуть больше. Светлые волосы собраны небрежно, и в них — лента. Красная, атласная, широкая. Не резинка, не заколка, а именно лента, повязанная как у девочки на утреннике, только на взрослой голове это выглядело странно и нарочито. Не по сезону, не по возрасту, не по тому вагону, в котором мы ехали.

Я моргнула.

Моргнула ещё раз.

Профессиональная память — неудобная вещь. Она срабатывает без разрешения, как рефлекс, как удар по колену молоточком: красная лента — маркер, сигнал, характерная деталь петлевого с задания двое суток назад. В груди коротко сжалось — и я тут же одёрнула себя, почти раздражённо, будто прищемила собственную руку.

На мне не было костюма. Не было шлема, не было аппарата, не было ничего, что позволяет видеть фантомов. Я ехала домой после рабочего дня, в обычном вагоне обычного метро, рядом с Мариной, которая рассказывала про актёра, которого раньше не любила.

Красных лент в городе много. Это просто человек. Это совпадение.

Я отвела взгляд. За стеклом тянулся тоннель — кабели, редкие огни, темнота, вязкая, как разлитые чернила.

— ...а потом выясняется, что это не он, — говорила Марина. — Вообще другой персонаж. Я перемотала назад трижды, думала, пропустила что-то.

— Угу, — сказала я.

— Ты меня не слушаешь.

— Слушаю. Перемотала трижды.

— И?

— И что?

— Это тебя не удивляет?

— Меня удивляет, — сказала я, — что ты смотришь это в одиночестве, а не зовёшь на просмотр.

Марина что-то ответила, но я уже смотрела снова.

Девушка стояла там же. Она не сдвинулась — ни на сантиметр, хотя вагон качнулся на повороте и все остальные качнулись вместе с ним: чуть переступили, поправили сумки, схватились за поручни. Она — нет. Просто стояла. Держалась за поручень левой рукой, но как-то слишком ровно, как будто поручень ей был не нужен.

И смотрела прямо на меня.

Не в мою сторону — именно на меня. В вагоне было человек тридцать, может больше, пятница, час пик. Но её взгляд шёл ровно поверх чужих голов, через чужие плечи — прямо ко мне, как нитка, натянутая между двумя точками.

Вокруг неё было чуть больше пространства. Я замечаю такие вещи профессионально: как люди держат дистанцию, как тело решает, куда встать. Рядом с ней никто не стоял вплотную. Не потому что места было много — его не было. Просто так вышло. Как будто все чуть-чуть, неосознанно, сделали шаг в сторону.

Я сказала себе: освещение. Я сказала себе: усталость после двух суток на ногах. Я сказала себе: красных лент в городе много, и молодые женщины смотрят на других людей в метро — это не значит ничего, это норма, это жизнь.

Объяснение было аккуратным. Рабочим.

Я не стала ему доверять.

— Слушай, — сказала я, не поворачиваясь к Марине.

— Что?

— В дальнем конце. Девушка стоит — светлые волосы, красная лента.

Пауза.

— Ну, — сказала Марина без особого интереса. — Симпатичная?

— Ты её видишь?

— Вер, я не смотрю в ту сторону. — Шорох куртки: она, судя по звуку, поворачивалась. — Где?

— У поручня. Справа от дверей.

Я всё-таки обернулась к Марине — коротко, только чтобы проследить её взгляд. Марина смотрела туда, куда я указывала.

— Там никакой девушки, — сказала она. — Там мужик в оранжевой куртке и бабушка с пакетами.

Я снова посмотрела в дальний конец вагона.

Девушка стояла на том же месте. Смотрела на меня. Красная лента в волосах была такой яркой, что казалась почти ненатуральной — не цвет, а сигнал, не ткань, а что-то другое.

— А, — сказала я.

— Что «а»?

— Наверное, плохо вижу в таком освещении.

— Ты уже который год работаешь в тёмных помещениях. — Марина слегка толкнула меня плечом. — Хватит щуриться, ты так морщины зарабатываешь.

Я не щурилась.

— Придёшь в пятницу? — спросила Марина. — За пас-

той.

— Приду, — сказала я.

И снова посмотрела в конец вагона.

Девушка не двигалась. Просто стояла и смотрела — ровно, терпеливо, как смотрят на что-то, чего давно ждали.

Я снова посмотрела на Марину — просто так, ни о чём, будто мне вдруг понадобилось убедиться, что она рядом. Она листала что-то в телефоне, большим пальцем, машинально. Новостная лента или мессенджер — не важно. Просто живой человек в обычном вагоне в пятницу вечером, с прядью, выбившейся из-за уха, с бликом экрана на подбородке.

Я отвела взгляд в противоположную сторону — к окну слева, где за тёмным стеклом мелькали провода и редкие огни кабельных ниш. Три секунды, пять. Закрытый, глухой участок перегона. Я смотрела на своё отражение: светлое пятно лица, тёмные плечи, тусклый абрис куртки.

Потом повернулась обратно.

Она стояла ближе.

Не намного — метра полтора, может два. Но раньше между нами было не меньше половины вагона, и никакой остановки не было, никакого перемешивания толпы. Вагон шёл ровно. Люди стояли там, где стояли. Только она — нет.

Я проверила глазами: мужик в оранжевой куртке — на месте. Бабушка с пакетами — на месте. Всё остальное — на

месте.

Она была ближе.

Я сказала себе: я не запомнила точно, сколько там было. Я сказала себе: в час пик расстояния путаются, особенно когда не высыпаешься. Я не стала себе верить.

Девушка смотрела на меня. Не куда-то в пространство, не рассеянно — именно на меня, спокойно и с некоторым ожиданием, как смотрят на человека, который вот-вот скажет что-то очевидное и никак не решается. Светлые волосы, красная лента. Пальто без застёжки, верхняя пуговица расстёгнута. Молодая — лет двадцать, может двадцать два.

И тут она улыбнулась.

Не вежливо, не пусто. Не та ровная мина, которую люди носят в метро как маску. Живая улыбка, чуть набок, с прищуром — как будто ей было смешно что-то, что видела только она. Как будто она знала, что я её изучаю, и её это немного забавляло.

В животе что-то сжалось — быстро, коротко, как перед тем, как шагнуть с высоты.

Профессиональная часть меня отметила: не петлевая реакция. Петлевые фантомы не смотрят в ответ. Петлевые фантомы не реагируют на живых. Они повторяют свой фрагмент, снова и снова, как заезженная запись, — они не замечают, кто стоит перед ними. А эта — замечала. Эта — отвечала.

Но фантомы без костюма не видны. Это не правило ве-

домства, не протокольная инструкция — это физика явления, это основа, это то, с чего начинается каждое базовое обучение.

Без костюма — нет контакта. Без костюма — нет восприятия. Это не обсуждается.

Значит, это живой человек. Значит, просто — похожа. Красных лент в городе много, и молодые женщины бывают светловолосые, и улыбки бывают такими — насмешливыми, чуть набок, — это ничего не значит.

Я почти поверила.

Потом я услышала смех.

Тихий. Сквозь гул колёс и белый шум вентиляции — что-то вроде смеха, лёгкого, на выдохе. Не громкого, не театрального. Просто — кто-то рядом тихо засмеялся.

Я оглянулась. Никто вокруг не смеялся. Мужчина напротив смотрел в телефон. Женщина с ребёнком у поручня — ребёнок спал, запрокинув голову. Двое подростков в наушниках. Всё обычное, всё правильное.

— Что? — спросила Марина, не отрываясь от телефона.

— Ничего. Показалось.

— Угу.

Я снова посмотрела на девушку.

И начала замечать детали — методично, как на задании, как учили: фиксируй, классифицируй, не интерпретируй прежде времени.

Она дышала. Грудная клетка поднималась и опускалась —

медленно, ровно, но поднималась. Она моргнула — раз, потом ещё раз, с нормальным интервалом, как моргают люди, а не как замирает запись на стоп-кадре. Пальцы на поручне — три пальца, чуть согнуты, хватка живая, не декоративная. На запястье — тонкий браслет, металл или кожа, не разобрать. Пальто чуть помято на плече, как бывает от ремня сумки.

Всё правильно. Всё живое.

Я посмотрела на ленту.

Красная, завязана сзади — бант, точнее не бант, а просто перехваченные концы, небрежно. Слева конец чуть длиннее правого. Узел несимметричный — левый край больше.

Я закрыла глаза на секунду.

Я видела эту ленту раньше. Не похожую — эту. Тот же узел, тот же наклон, тот же несимметричный край. Я видела её на задании. На той самой — в заброшенной локации, в свете фонарика, через костюм.

Та же лента.

Не похожая. Та же.

Вагон качнулся. Все качнулись — все, кроме неё. Она стояла ровно, как стояла раньше, как стояла на той заброшенной станции, пока я пыталась понять, почему она не петлит.

Марина что-то сказала — кажется, спросила про ужин, про то, есть ли у меня дома что-то, кроме кофе. Я ответила. Не знаю что — что-то правдоподобное, какое-то слово. Марина не переспросила.

Девушка с красной лентой смотрела на меня и молчала.

Я знала одно с такой ясностью, что от неё сделалось неудобно — как бывает неудобно от очень простой мысли, у которой нет ни одного хорошего объяснения.

Она меня видела.

И она знала, что я вижу её.

Свет в тоннеле мигнул.

Не так, как бывает, когда состав проходит стыки — короткая дрожь, привычная, почти незаметная. По-другому: на секунду всё стало ярче, потом темнее, потом снова ярче, и я успела подумать, что, наверное, какая-то проблема с электропитанием на этом участке, нужно запомнить, нужно —

Девушка подняла руку.

Небольшой жест. Ладонь чуть раскрылась, пальцы слегка разошлись — не привет, не прощай, что-то среднее. Так машут человеку, которого давно не видели и не ожидали встретить здесь. Как будто мы знакомы, как будто встреча здесь, в этом вагоне, в этот вторник — что-то нормальное, запланированное, своё.

Я не пошевелилась.

Свет устаканился. Гул колёс вернулся на обычный уровень — ровный, низкий, белый. Марина рядом переложила телефон из одной руки в другую. Я слышала это периферией — как слышишь фоновые звуки, когда смотришь в одну точку и не можешь оторваться.

Я смотрела на девушку.

Она опустила руку. И я увидела — сначала не поняла, что именно вижу, мозг отказывался складывать картинку в слова, просто фиксировал, просто регистрировал: что-то меняется, что-то не так, что-то происходит с —

Она становилась меньше.

Не уходила. Не приседала. Не протискивалась за чьи-то спины. Просто — уменьшалась. Плечи сужались, шея укорачивалась, линия подбородка округлялась, как будто кто-то очень медленно тянул ползунок в обратную сторону. Платье обмякло — слишком большое теперь, слишком широкое в плечах. Волосы те же, светлые, собранные, но лицо — лицо уже другое, детское, с ещё не вытянувшимися скулами, с круглыми щеками, с тем особым выражением, которое бывает только у детей, когда они смотрят на что-то и молчат.

Восемь лет. Может, девять.

Красная лента на прежнем месте. Тот же узел, тот же несимметричный край — левый чуть длиннее.

Девочка стояла там, где только что стояла взрослая, и смотрела на меня.

Серьёзно. Без улыбки. Без того насмешливого наклона головы, который я видела у девушки. Просто — смотрела. Так смотрят, когда хотят убедиться, что тебя поняли правильно. Так смотрят, когда ждут, что ты наконец скажешь что-то важное.

Я считала этот взгляд и не могла пошевелиться.

Секунда. Две. Три.

Потом её не стало.

Не ушла в толпу. Не скрылась за чьей-то спиной. Просто — перестала быть. Вот она была, вот её нет. Пространство, где она стояла, сразу заняли другие люди — плотно, естественно, как вода заполняет вмятину. Мужчина с газетой чуть сдвинулся влево. Женщина у поручня поправила шарф. Подросток в наушниках переступил с ноги на ногу.

Никто ничего не заметил.

Гул колёс. Запах метро — тёплый, металлический, с примесью чего-то резинового. Объявление следующей станции — голос записанный, ровный, без интонаций. Марина что-то говорила. Я слышала звук её голоса, не слова.

Я стояла и смотрела на то место.

Там была пустота. Нет — там не было пустоты, там стояли люди, там всё было нормально, там не было никакой девочки и не было никакой взрослой девушки с красной лентой, там был просто вагон метро в час пик, и все вокруг ехали куда-то по своим делам, и никто ничего не —

— Вера.

Марина.

— Вера, следующая наша.

— Да, — сказал мой рот. — Знаю.

Я смотрела на место, где она стояла. Пол там был такой же серый, как везде. Поручень — такой же. Плитка на стене за стеклом — такая же. Всё одинаковое. Всё совершенно обычное.

Вагон начал тормозить. Все качнулись вперёд, я тоже качнулась — тело само, без моего участия. Пальцы сильнее сжали поручень. Я ощутила холод металла. Реальный. Твёрдый. Температура, текстура, вес руки.

Я здесь. Я в вагоне. Еду домой. Следующая остановка — наша.

Объявление прозвучало ещё раз. Двери открылись с тем характерным выдохом — пневматика, уплотнители, звук, который я слышала тысячу раз. Марина уже шла к выходу, я шла за ней, мы вышли на платформу, и в лицо ударил тот особый воздух — чуть прохладнее, чем в вагоне, с запахом камня и чего-то старого.

Поезд закрыл двери и ушёл.

Я остановилась на краю платформы — не на самом краю, в нескольких шагах, — и обернулась. Посмотрела на вагон, уходящий в тоннель. Тёмные окна, свет внутри, силуэты людей — потом только хвостовые огни, потом темнота.

Ничего.

— Холодно стало, — сказала Марина и застегнула верхнюю пуговицу куртки. — Ты идёшь?

— Иду, — ответила я.

И пошла. Потому что нужно было идти, потому что платформа, лестница, турникеты, выход — всё это было следующим, и нужно было просто делать следующее. Одно за другим. Не останавливаться и не оборачиваться снова.

Я не оборачивалась.

Но я помнила её взгляд — серьёзный, без улыбки, то последнее, что она мне показала перед тем, как перестала быть. Не страшный взгляд. Не угрожающий. Просто — взгляд человека, который ждёт. Который знает, что ты придёшь. Который никуда особенно не торопится.

Эскалатор двигался вверх. Марина что-то говорила об ужине.

Я слушала и кивала.

Мы вышли на платформу, и Марина сразу взяла темп — она всегда шла чуть быстрее, чем нужно, как будто опаздывала куда-то, хотя никуда не опаздывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.